

"МНОЖЕСТВЕННОСТЬ" КОНСТРУКЦИЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАВКАЗСКИХ И ДРУГИХ НЕНОМИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

"PLURALITY" OF CONSTRUCTION OF SENTENCE IN THE CAUCASIAN AND OTHER UNNOMINATIVE LANGUAGES

A. Khalidov

Annotation

The traditional idea of the multiplicity of constructions of sentences in the Caucasian and other ergative languages is disputable. Dative, genitive and locative cases that express the subject value in the structure relationship are objective in fact. Moreover, in the semantic value they do not express the meaning of the transitional act and usually comparable with the subject of the State. The main conclusion: the syntactic types of languages determined by the form of expression of the grammatical subject can only be two-nominative and ergative.

Keywords: syntactic typology of languages; ergative and nominative types; "affective constructions of the sentence"; semantic and grammatical object/subject.

Халидов Айса Идрисович
Д.филол.н., профессор,
Чеченский государственный
университет, г. Грозный

Аннотация

Традиционное представление о множественности конструкций предложения в кавказских и других эргативных языках не бесспорно. Датив, генитив и локатив с субъектным значением в структурном отношении на самом деле объектные, более того, в семантическом отношении они не выражают значения переходного действия и обычно сопоставимы с субъектом состояния. Основной вывод: синтаксических языков типов, определяемых по форме выражения грамматического субъекта, может быть только два, и эти типы – номинативный и эргативный.

Ключевые слова:

Синтаксическая типология языков; эргативный и номинативный типы; "аффективная конструкция предложения"; семантический и грамматический объект/субъект.

Постулируемое положение, что "в нахских языках формы подлежащего могут быть выражены в именительном, эргативном, дательном, родительном, локативном падежах" [1, с. 499], распространяют и на другие, не только кавказские, эргативные языки: "в некоторых языках имеются несколько основных типов (по меньшей мере два) построения простого предложения" [4, с. 27]. Другой автор – И.И. Мещанинов – считал возможным, наряду с номинативным и эргативным, выделять аффективный строй предложения [5, с. 200].

Но есть сомнение, что "по меньшей мере два" применительно к чеченскому и другим иберийско-кавказским языкам означает "больше, чем два" и что вообще возможно выделение более двух структурных типов предложения, определяемых по форме подлежащего.

Несогласие с выделением более двух конструкций предложения, определяемых по форме подлежащего, и неудовлетворенность приводимыми при этом доводами автор выразил и обосновал в ряде прежних публикаций ([2], [3] и др.), но в контексте с другими проблемами, и счел возможным и нужным изложить это в отдельной работе, которая может иметь более широкую аудиторию.

То, что в структурно-синтаксической типологии

"морфных" языков следует выделять только два типа – номинативный и эргативный (точнее: номинативный и эргативно-номинативный), вполне доказуемо. Это можно сделать, например, проанализировав под таким углом зрения основные признаки строя предложения в "эргативных" языках, в большинстве которых выделяют также дативную, генитивную (посессивную) и локативную конструкции, иногда объединяемые под общим названием "аффективная".

Не в пользу расширения конструкций предложения, определяемых по падежу подлежащего (если соответствующие формы действительно подлежащие), говорят следующие факты и признаки.

1. Предикат "аффективных конструкций" – предикат не действия, а состояния, вызываемого, скажем, теми или иными качествами одного актанта у другого. Ср. чеч. Клантана йол еза//езаелла "Парню/мальчику девочка/девушка любит/полюбилась"; Соьга гуллакх далуо "Мною дело делается (я в состоянии делать дело)"; Сан сагатлуо "Мне грустно/беспокойно/тоскливо", букв.: "Моя душа сужается". Однонаправленного действия здесь нет, следовательно, в строгом смысле нет прямого объекта, как у активных глаголов, и нет отношений переходности.

2. В приведенных конструкциях в качестве предиката используются глаголы определенной семантики. Так, в "посессивных" конструкциях это потенциалис, субъектом которого должно быть имя в именительном падеже, следовательно, в Соьга гуллакх далуо это гуллакх. В Клантана йол еза//езаелла глагол езаелла является инхоативом. В Сан сагатлуо глагол сагатлуо и сейчас (синхронно) можно разложить на две части, из которых са является субъектом, и логическим, и грамматическим, глагола гатделла (<гатдала).

3. Аналогичные кавказским конструкции предложения с дательным или винительным лица – носителя признака (субъекта состояния) широко распространены в разных языках и не являются чем-то специфическим, являющимся принадлежностью только языков эргативного строя. Они характерны, например, для многих индоевропейских языков. Латинск. *Pudet me* "Стыдно мне" и русск. Мне стыдно не только семантико-синтаксически, но и структурно соотносимы с чеч. Суна изэх ду // Суна изэх хиета "Мне стыд есть // Мне стыд кажется" в таком контексте, как Суна изэх ду иштта хила "Мне стыд есть таким быть" или Суна изэх хиета хьуна хьалха "Мне стыд кажется // стыдно перед тобой" (соотносимы, но не тождественны). Но поскольку в них нет агенса и дательный падеж выражает значение субъекта состояния, вопрос о дативном подлежащем индоевропейцами не ставится не только в связи с безглагольными аффективными предложениями, но даже и глагольными типа нем. *Mir gefällt dieses Buch* "Мне понравилась эта книга" (ср. чеч. Суна хазьелла и книга "Мне красивой показалась // понравилась эта книга" с точно такой же структурой "дат. п. – финитный глагол – имен. / в нем. вин./ падеж").

4. Стоило бы обратить внимание и на нормальный для таких предложений словоупотребление, при котором объект почему-то не предшествует глаголу-сказуемому. Если считать дательный падеж субъектом, а именительный объектом, получаем порядок SVO (как в индоевропейских языках), например, Дена ца лаьа иза "Отец не хочет это // Отцу не хочется этого", или VOS: Ца лаьа иза дена "Не хочет это отец". Приравнивая датив к подлежащему, логично было бы поставить под сомнение и постулируемый в лингвистическом кавказоведении порядок SOV в пере-

ходном предложении. На самом деле порядок слов в этих предложениях OVS и VSO, причем O – косвенный, а не прямой объект (и поэтому, видимо, вернее будет говорить о порядке VS, так как косвенный объект в такую схему вообще не должен включаться). Это вполне нормальный для номинативной конструкции словоупотребление. Субъектом состояния дат. п. может быть и в аффективных безличных предложениях, где также является косвенным дополнением: Суна шийла ю кхузахь "Мне холодно есть здесь".

5. Объектность датива и субъектность номинатива могут быть подтверждены и предложениями с "личными предикативами", не рассматривавшимися в этом контексте и вообще не выделявшимися в грамматике нахских языков, типа дагахь ду "в уме / на сердце / в душе есть", Гиллакхийехь ду "прилично / этично есть" и т.д. (Суна дагахь дара кхана сайн новкъа вала дизезар "Мне в уме была завтра в дорогу выйти надо необходимость").

6. Семантическая и грамматическая субъектность номинатива, отдельно выраженного или слившегося с глаголом, в генитивных конструкциях типа Сан дуог лозу "У меня сердце болит", Сан дуог кьерча "Меня тошнит // у меня сердце переворачивается" еще более очевидна. Генитив, относимый обычно к группе "субъектов состояния", по своему происхождению, практически установившему и синхронно, – приименный родительный в роли несогласованного определения: Сан сагатлуо "Мне скучно" < Сан са гатлуо "Моя душа сужается"; Ненан сакьералуо "Матери весело" < Ненан са кьералуо "Материна душа радуется / веселится". "Отторжение" определяемого слова в результате его слияния с глаголом развило в генитиве оттенок субъекта, но обладателя не предмета, а спровоцированного его участием состояния. Этот оттенок, однако, не такой определяющий, как представляют в грамматиках, и грамматическая субъектность "объектов" таких предложений бесспорна и становится очевидной при инфинитном преобразовании: Сан дуог лозу – Сан дуог лозуш ду. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что здесь подлежащим является дуог. Называя такие построения посессивными, не стоит, видимо, забывать, что possessive "притяжательный" подразумевает наличие участника посессивных отношений, определяемого этим посессивом – генитивом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дешериев, Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. / Ю.Д. Дешериев. – Грозный. 1963. – 555 с.
2. Халидов, А.И. Общее и типическое в структуре и семантике чеченского простого предложения. – Диссертация... д-ра филол. наук. / А.И. Халидов. – Грозный, 1999. – 324 с.
3. Халидов, А.И. Типологический синтаксис чеченского простого предложения. / А.И. Халидов. – Нальчик, "Эль-ФА", 2004. – 271 с.
4. Гухман, М.М. Лингвистические универсалии и типологические исследования. / М.М. Гухман. // Универсалии и типологические исследования. – М., "Наука", 1974.
5. Мещанинов, И.И. Проблемы развития языка. / И.И. Мещанинов. – Л., "Наука", 1975. – 351 с.